

Анатолий Бевза

Не слушай их

Друзья?

Правда?

Память?

Кто я?

Не слушай их.

Слушай себя.

Иногда
самый важный
голос —
внутри тебя

Люди

Истории

Память

Выбор

Иногда
правда ближе,
чем кажется...

Анатолий Бевза

Не слушай их

<https://litres.ru/74444007>

SelfPub; 2026

Аннотация

Бабушкин телефон был мёртвым два года. Пока не засветился ночью: «Эх, Тима...»

Тимуру пятнадцать. Он живёт в комнате, из которой не хочется выходить. Мама - на кухне, в телефоне. Отец - в другом городе, в вечных «позвоню позже». Бабушка умерла - и с тех пор в доме стало тихо.

А потом на подоконнике появился Шурка - домовый в валенках, который ворчит, но остаётся. И серые мотыльки. И кривой пирог, который почему-то может спасти семью.

Магия здесь ни при чём. Просто кто-то должен наконец не слушать их - тех, кто шепчет «всё зря», «ты один», «ничего не изменится». И услышать тех, кто рядом.

Повесть о том, как один подросток, один старый смартфон и один пирог вернули домой тепло.

Содержание

Глава 1. Трещина	4
Глава 2. Шурка и Шёпотки	9
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Анатолий Бевза

Не слушай их

Глава 1. Трещина

Тимур не смог бы назвать день, когда их семья начала расползаться по швам. Ничего не рухнуло сразу: просто некоторые привычки исчезали одна за другой, и однажды оказалось, что тишины дома стало больше, чем разговоров.

Наверное, всё-таки после бабушки.

Она умерла два года назад. Первое время они держались вместе: ездили на кладбище, перебирали её вещи, вспоминали смешное. Потом воспоминаний стало меньше. Мама перестала готовить по бабушкиной тетрадке. Папа всё чаще отменял субботние приезды. Тимур привык закрывать дверь в свою комнату.

Сейчас он лежал лицом к стене и листал ленту. Палец работал сам: мем, кот, реклама кроссовок, ещё мем. Вверх. Ещё вверх.

За стеной мама гремела посудой. Тимур знал этот звук: так она мыла чашки, когда злилась или очень устала. Иногда ему казалось, что она специально шумит, чтобы он вышел. Он не выходил. Не из принципа — просто дальше первого «мам, ты чего?» разговор у него не складывался.

Проще было не начинать.

— Тим! — Голос мамы из коридора. — Тим, ты слышишь?

Он снял один наушник. Не повернулся.

— М?

— Спустись, помоги с сумками. Я не могу одна.

Слова «не могу одна» неприятно зацепили. Тимур тут же нашёл оправдание: он же сказал, что занят. Правда, занят он был лентой, но разве его время переставало быть его временем только потому, что он лежал?

— Сейчас, — сказал он.

И не пошевелился.

Мама постояла в коридоре. Потом Тимур услышал её вздох, шаги к лестнице и хлопок входной двери.

Тимур перевернулся на спину. Телефон завибрировал. Он открыл уведомление, потом закрыл. Открыл ленту снова.

Вверх. Вверх. Вверх.

На верхней полке шкафа лежал старый смартфон. Бабушкин. Тимур не помнил, как он там оказался. Кажется, мама сунула его туда после похорон, сказала «потом разберёмся», и все забыли. Телефон был чёрный, с трещиной в углу экрана. Разряженный в ноль. Мёртвый.

Иногда Тимур смотрел на него и думал: «Надо бы выбросить». Но не выбрасывал. Не мог объяснить почему.

Мама вернулась через десять минут. Сумки тяжело стукнули о пол в прихожей. По звукам Тимур безошибочно уга-

дал весь дальнейший маршрут: куртка на крючок, кухня, чайник, стул у окна, телефон. Чай остынет. Она выльет его и уйдёт к себе. Ни одного разговора.

Так проходил почти каждый вечер.

Телефон Тимура дёрнулся. Экран мигнул — яркость скакнула на максимум, потом на минимум, потом погасла. Он нахмурился. Батарея? Нет, девяносто процентов. Глюк.

Он разблокировал свой телефон. Всё работало. Тимур уже вернулся к ленте, когда краем глаза заметил свет на верхней полке.

Старый бабушкин смартфон.

Он светился.

Свет шёл из-под треснувшего стекла. На чёрном экране медленно проступили буквы.

«Эх, Тима...»

Тимур перестал дышать. Телефон два года лежал разряженным; мама даже зарядку от него выбросила.

Потом буквы исчезли. Экран погас. Телефон снова стал просто куском пластика и стекла.

Он сел. В комнате ничего не изменилось: за стеной щёлкал мамин телефон, за окном проехал велосипед. Только старый смартфон только что написал ему сообщение.

Тимур протянул руку, остановился в сантиметре от корпуса и всё-таки взял телефон. Холодный, тяжёлый. Нажал кнопку питания — без ответа.

Но сообщение он видел. В этом сомнений не было.

— Тим? — Голос мамы из кухни. — Ты собираешься ужинать?

Тимур посмотрел на телефон в руке. На трещину в углу. На пыль, которая лежала тонким слоем на стекле.

— Да, — сказал он. — Сейчас.

И на этот раз встал.

На кухне пахло чем-то странным. Мама стояла у плиты, спиной к нему, и что-то помешивала в кастрюле. Тимур сел за стол.

— Что это? — спросил он.

— Суп, — сказала мама. — Из того, что было.

«Из того, что было» появлялось на столе в дни, когда у мамы не оставалось сил придумывать ужин. Сегодня оказался суп.

Тимур смотрел на её напряжённые плечи. За последний год он привык видеть их именно такими.

— Мам.

Она обернулась. Удивлённо. Он редко начинал разговор первым.

— Что?

Тимур хотел рассказать про старый телефон. Хотел признаться, что ему страшно.

Но получилось другое:

— Ничего. Забыл.

Мама кивнула. Отвернулась. Помешала суп.

Между ними снова осталось что-то недосказанное — тонкое и неприятно натянутое.

Тимур достал свой телефон и вернулся в ленту.

В его комнате старый смартфон снова мигнул.

«Покорми его. Он ворчит, но он свой.»

Тимур этого сообщения не увидел.

Тот, кто писал ему с мёртвого телефона, умел ждать.

Глава 2. Шурка и Шёпотки

Ночью Тимур не спал.

Он лежал в темноте и прислушивался. Дом скрипел, батарея щёлкала, на кухне капал кран — мама давно просила отца починить его, отец каждый раз отвечал «сделаю». Обычные звуки сегодня будто имели второй, едва различимый слой.

Старый телефон на полке молчал. Тимур не видел его в темноте, но всё время знал, где он лежит.

В три часа ночи он всё-таки встал.

Не включая свет, подошёл к шкафу. Взял телефон. Холодный. Экран чёрный. Тимур нажал кнопку — ничего. Потом подержал палец подольше. Ничего.

— Ладно, — прошептал он. — Ладно. Я знаю, что ты там. Просто... скажи что-нибудь.

Тишина.

Он уже собирался положить телефон обратно, как экран мигнул. Один раз. Потом ещё раз. И медленно, буква за буквой, проявилось:

«Наконец-то. Я уж думал, ты никогда не заметишь.»

Тимур вздрогнул. Голос пришёл не из динамика. Он прозвучал рядом, у окна.

На подоконнике, рядом с кактусом, сидел старик.

Маленький. Ростом с кота. В фуфайке, которая когда-то

была синей, а теперь стала цвета пыли. На ногах — валенки. На голове — лысина, окружённая седым пухом. Лицо морщинистое, как печёное яблоко. Глаза — маленькие, тёмные, живые.

Старик болтал валенками и разглядывал Тимура без всякого почтения.

— Ты... — Тимур сглотнул. — Ты кто?

Старик закатил глаза так выразительно, будто вопрос был оскорбительно банальным.

— Шурка я. Домовой. Жил у бабки твоей, Нины Петровны, царство ей небесное. — Он перекрестился. — Теперь здесь. Раньше Оля меня тоже видела, маленькая была. Потом разучилась. У вас это семейное: сначала видите, потом взрослеете и делаете вид, что ничего нет.

Тимур сел на кровати. Ноги стали ватными.

— Домовой, — повторил он. — Как в сказках?

— Не «как». В сказках нас просто успели записать, — буркнул Шурка. — А в домах мы и без записи жили.

Он спрыгнул с подоконника. Приземлился мягко, как кошка. Подошёл к Тимуру. Близко. Тимур почувствовал запах — старый, тёплый, как от бабушкиной шкатулки.

— Слушай, Тима. Я проснулся не из-за телефона. Дом пустеет. Не комнаты — связи. Мать держится на последнем терпении, отец всё реже появляется, а ты отсиживаешься здесь, потому что не знаешь, как к ним подойти. Это я понимаю. Но Изнанка на таком молчании худеет.

— Я...

— И сразу запомни: взрослых чинить ты не обязан. У матери и отца свои решения. Но за свою дверь, свои слова и своё молчание отвечаешь ты. Вот с этого и начнём.

Тимур прислушался. В голове одновременно шумело и было пусто.

— Что такое Изнанка? — спросил он наконец.

Шурка почесал лысину, подбирая слова.

— Изнанка — память дома, — сказал он наконец. — Ты видишь обои, а я ещё и газеты под ними. Ты видишь шкаф, а я помню, как Нина Петровна тащила его с первой зарплаты. Ты видишь кастрюлю супа, а я знаю, сколько раз возле неё плакали и смеялись. Вещи тоже кое-что держат, пока людям это нужно.

Шурка снова забрался на подоконник.

— И исчезает Изнанка не от телефонов. Телефон — железка, ему всё равно. Она истончается, когда вы перестаёте замечать друг друга; когда истории, привычки и вещи становятся только хламом. У вас этого добра накопилось.

Тимур хотел посмеяться над маленьким стариком в валенках, но не получилось.

— Что я должен делать?

Шурка оживился.

— Для начала — покорми меня.

— Чего?

— Кашу на блюдечке оставь сказкам. Мне нужно другое:

чтобы в доме чем-нибудь пахло, чтобы кто-то вспомнил старую историю, рассмеялся не в экран. Тогда я сытый.

Тимур посмотрел на него. Потом на кухню. Потом снова на него.

— Я не умею готовить.

— А я не умею летать, — сказал Шурка. — В шкафу на кухне, за банками, лежит Нинина тетрадка. Найди яблочный пирог. Остальное разберётесь.

Тимур не двинулся.

— Сейчас? Ночь же.

— Утром можно, — признал Шурка. — Но утром ты найдёшь десять причин отложить. Я тебя уже знаю пять минут и уверен.

Тимур молчал.

— Пойди к ней, — сказал Шурка. — Не спасать семью. Просто спросить, хочет ли она печь вместе.

— Кого?

— Мать. И не говори ей про меня, если не хочешь. Скажи про пирог.

— Она... она будет злиться.

— Может и разозлиться. Тогда вернёшься. Но хотя бы узнаешь, а не придумаешь за неё.

Тимур встал. Подошёл к двери. Обернулся.

Шурка сидел на подоконнике, маленький и старый, и смотрел на него. В темноте его глаза блестели, как две бу-синки.

— Ты придёшь? — спросил Тимур.

— Я отсюда не денусь, — сказал Шурка. — Домовой всё-таки. Иди уже, пока сам не передумал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.